

Когда она приходит на кухню, я стараюсь не отрывать глаз от ее лица, что трудно, потому что она великолепна. Конечно, это просто физические гайки и болты, но с божественной рукой, делающей все это. Один только вид ее движений действует на меня на висцеральном уровне. Некоторые женщины просто созданы так, что заставляют мужчину стонать. Но моя мать лучше большинства.

Я потягиваю воду и пытаюсь держать себя в руках. Что в последнее время становится все труднее и труднее.

"Тебе нужно одеться", - говорю я ей.

В ответ она смотрит на меня и закатывает глаза. "Почему?" - спрашивает она, прекрасно понимая, на что я возражаю. "Я всегда ходила по дому голой".

Желание просто протянуть руку и прикоснуться к ней придает моему тону остроту: "Может быть, потому что это неуместно? Мне уже двадцать два, мама. Как ты думаешь, я действительно должна видеть тебя голой?".

Мую мать, похоже, это не волнует. Она только смеется и поворачивается к холодильнику.

Когда она наклоняется вперед и тянется к нему - вся подтянутая и пышная - вид ее больших грудей в профиль притягивает мой взгляд. Я смотрю на ее тело и чувствую толчок в своем члене, когда она достает упаковку яблочного сока, закрывает дверцу холодильника и уходит.

Покачивание ее бедер - это дразнилка. Женственные колыхания моей матери и вид ее ягодиц, гибких и покачивающихся, заставляют меня выть, как гончую.

"Меня это не беспокоит!" - отвечает мама.

Нет, но она могла бы подумать иначе, если бы увидела голодный взгляд на моем лице.

Я оставляю пустой стакан на стойке и поднимаюсь по лестнице. Я на задании, отчаянно нуждаюсь в освобождении. Моя мать где-то внизу занимается тем, чем занимается, и, зная, что это неправильно, и чувствуя, как в животе бурлит чувство вины, я стягиваю джинсы до колен и с силой нажимаю на свой член.

Используя образ задницы другой, я быстро достигаю цели. Я натягиваю член и представляю себе эти шарики, воображая, что сжимаю пальцами податливую плоть.

Это была правда, то, что она сказала, она всегда так делала. Моя мать всегда расхаживала в буфете. Это естественно, говорит она. Так, как мы должны быть.

И раньше меня это никогда не беспокоило.

Но в последнее время, когда я вижу ее в таком виде, это сказывается.

Я без ума от маминого горячего тела.

###

Ее длинные, мягкие, грязно-светлые волосы тоже не помогают. Не помогают ни ее улыбка, ни ее большие голубые глаза, ни ямочки на щеках, когда она улыбается. И не намного лучше, когда она одета. Моя мама гордится своей фигурой и носит одежду, которая демонстрирует ее достоинства. После работы она пять раз в неделю ходит в спортзал, а дома занимается йогой шесть утра из семи. В результате она стройна и подтянута, и за ее движениями приятно наблюдать. Моей матери может быть сорок пять, но выглядит она на тридцать.

В своей голове я трахаю свою мать. В этой фантазии я - наблюдатель, вуайерист в стороне, который впитывает зрелище нашего сношения. Я захожу в нее сзади, а моя мать наклоняется вперед, наклоняется в талии, бедра наклонены так, что ее киска идеально представлена. На этой фотографии она в туфлях - пара проститутских платформ потрясающего розового цвета на смертоносном каблуке, который увеличивает ее рост на несколько дюймов. Она изысканна, одно худое бедро напряжено, пока она опирается прямыми руками на изголовье кровати. Одно колено стоит на матрасе, одна нога на полу, пока она оглядывается на меня через плечо. Моя мать ухмыляется и ей нравится то, что я делаю, груди колыхаются, пока она не поднимает одну руку, чтобы поласкать свою плоть.

Я смотрю туда, где стройная спина переходит в талию, женственный разворот ягодиц и бедер.

Я стону - я не могу остановить себя от этого звука - из меня вытекает кончаю, в то время как мысленным взором я вижу, как напрягается живот моей матери, ее рот раскрывается, глаза стекленеют, когда ее настигает собственный оргазм.

Я дергаю свой член, ловя вытекающую сперму на футболке, которую я обернул вокруг ствола и головки члена. Это не идеально, мастурбировать таким образом, но мне срочно понадобилось, и у меня не хватило терпения раздеться для более неторопливой дочки.

Пока я подавлял свои стоны, материал закачивался в рубашку. Это так сладко, так приятно, наслаждение становится намного лучше, потому что фантазия такая неправильная. Незаконный характер этого доводит меня до этого. Моя мама, моя милая дорогая мама, ее тело такое гибкое и эластичное, ее пизда такая влажная, когда она сжимается вокруг моего члена.

Но, как обычно, как только я кончаю, на меня накатывает чувство вины. Мой член сочится спермой, и я сразу же испытываю отвращение к себе. Я свинья и извращенец, и мне стыдно, что я стою в своей спальне в джинсах на голени, а свидетельство моего извращения - липкое месиво, испортившее футболку.

Пораженный, я собираю ее в кучу и отбрасываю в сторону, затем поднимаю джинсы, чтобы убрать с глаз долой вытекающую длину. Мучимый угрызениями совести, я клянусь никогда больше не делать этого, но на этот раз я полон решимости. Это должно прекратиться. Я не могу позволить себе продолжать это делать.

Но, даже когда я обещаю себе, что больше не будет, часть моего разума знает, что я лгу. Я могу продержаться день, а может быть, и два, но скоро я буду думать о ней и накручивать свой ствол.

Я ничего не могу с собой поделать. Я одержим. Большую часть времени я провожу в оцепенении, мечтая о том, как трахаюсь в киску собственной матери.

###

Я ревную. Вот что это такое. Я приехал домой на длинные летние каникулы и обнаружил, что у моей матери есть парень.

Мой отец изменил ей... один раз.

Она знала об этом.

После этого он ушел. Она выгнала старика и начала заново создавать себя. Тогда и началась йога и тренажерный зал. Три года назад, когда я уехала из дома в университет, моя мама была на пути к преображению, которому позавидовала бы Кэрол Вордерман.

У нее наверняка были парни. Должны были быть любовники. Я не знаю, о чем я думала с тех пор, как она избавилась от отца. Может быть, тогда мне было все равно? Возможно, я была слишком занята своими делами, чтобы думать о маме. Я не помню, чтобы я вообще думал о ее физических нуждах. Я был ее сыном, зачем мне это?

В любом случае, она держала их подальше от меня, и я никогда не знал.

Но знание об этом, конечно, донимает меня.

Я не могу вынести мысли о его руках на ее теле.

Это неприятно, но я думаю о них, когда мама спрашивает: "Ты в порядке, Шон?".

Я был в гостиной, дулся, когда она незаметно вошла.

При звуке ее голоса я поднимаю глаза. В кои-то веки она одета - готова к ночному свиданию с

ним. Мне противно представлять, как она раздевается для этого мужчины.

Я думаю, она выглядит потрясающе с волнистыми распущенными волосами. Она тонко накрашена, губы блестят розовым блеском для губ, глаза подведены тушью. Моя мама на каблуках с шипами, не на платформах бордельной шлюхи, как я представляла ее в своих фантазиях, а на шикарных "Лабутенах", которые подчеркивают изящный изгиб ее икр и заставляют меня пожалеть, что она все-таки не надела узкую юбку-карандаш. Она элегантна и сексуальна, стильная и великолепная. Сверху, как это в ее стиле, ее большой бюст втиснут в блузку, которая едва выдерживает нагрузку.

Я смотрю на нее и пожимаю плечами, глаза задерживаются - всего на мгновение - на глубокой складке между грудями моей матери, на маленьком серебряном кулоне, который я купил ей на прошлое Рождество, приютившемся в долине.

Образ приходит ко мне. Я представляю себя с лицом, прижатым к ее декольте, но картинка рассеивается, когда я смотрю в ее глаза.

"Да", - отвечаю я угрюмо.

Она надувается с членораздельной гримасой, которая подергивает мой член; затем ее губы, розовые и сжатые, вызывают грязную горку ревности, капающую, как жидкое дерьмо в канализацию, когда я представляю эти губы вокруг его члена.

"Ну, ты неважно выглядишь", - говорит мама возле двери.

Я сижу в одном из кресел, а она стоит. Мы оба ждем, когда зажужжит ее мобильный.

"Так и есть", - отвечаю я, отрывисто, потому что я злюсь и капризничаю. Мне не нравится быть таким, но я не могу избавиться от этого чувства.

"Ты уверен?" - спрашивает она, наклонив голову на одну сторону.

Горячий укус слез удивляет меня. Я решаю, что мне нужно выйти из комнаты, пока я не опозорился и не дал ей повод для беспокойства. Чего я не хочу, так это ее благонамеренных и в то же время пытливых вопросов. Я киваю и поднимаюсь на ноги, пробормотав: "Да, конечно".

Она следует за мной, цокая каблуками по плитке кухонного пола.

Я стою у холодильника, когда она подходит. Держась к ней спиной, я достаю пиво.

Ее рука ложится мне на плечо.

"Он тебе не нравится, да?" - говорит она, когда я поворачиваюсь.

Я открываю закладку, удрученный тем, что все так очевидно, и благодарный за то, что слезы не пролились.

Я пожимаю плечами и делаю глоток, а затем говорю: "Это не мое дело".

Она смотрит на меня некоторое время. Я не могу понять, что происходит за этими глазами, поэтому, не смущаясь и неловко чувствуя себя так физически близко к матери - у меня мелькнула дикая мысль о том, чтобы наклониться и поцеловать ее в губы, - я отпиваю из банки и отхожу в сторону.

Она не отходит, пока я приваливаюсь спиной к тяжелому дубовому столу в центре комнаты. "Ну, это вроде как так, не так ли, Шон? Если все становится серьезным".

Должно быть, она увидела, как кровь отхлынула от моего лица, потому что мама поспешно добавляет: "Не то чтобы это было близко к серьезному, я просто имею в виду это как "а вдруг?".

"Не нужно думать ничего другого. Я просто говорю... Вот и все". Затем она вздыхает и искренне бормочет: "Черт", когда раздается звук ее мобильного телефона, и это слово звучит резко от разочарования.

"Позже", - говорит она, засовывая телефон под волосы. Мама отворачивается от меня, говоря: "Мы поговорим".

"Алло?" - продолжает она, бормоча в свой мобильный. "Да, я готова. Уже иду. Увидимся через секунду".

Я потягиваю пиво, не пробуя его, когда дверь захлопывается, внутренности кипят от неприязни к мужчине в ее компании.

###

Линии загара начали меня.

<http://erolate.com/book/2292/59842>